

ОСЕНЬ
(Отрывок)

1

Стихотворение «Осень» — одно из крупнейших и самых значительных в лирическом творчестве Пушкина 1830-х годов — со времени первой публикации его Жуковским в «посмертном» издании сочинений поэта¹ не раз привлекало к себе внимание текстологов, критиков, комментаторов и исследователей.

Первый научный редактор сочинений Пушкина, П. В. Анненков, во втором томе своего издания дал текст «Осени» по беловому автографу, следуя, с небольшими поправками, посмертному изданию.² Чтение Анненкова надолго определило текст последующих изданий, не имевших возможности обращаться к автографам, вплоть до издания 1882 г. под редакцией П. А. Ефремова. В 1880-х годах рукописное наследие Пушкина, поступившее в Румянцевский музей, т. е. в основном его рабочие тетради, стало доступно для изучения. Оба автографа «Осени», черновой и белой, были описаны В. Е. Якушкиным.³ Однако в последующих изданиях текст стихотворения не только не был уточнен, но от издания к изданию ухудшался редакторами, желавшими ввести по рукописям возможно больше «неизданного» материала, хотя бы и исключенного из окончательного текста самим поэтом. Особенно пострадала при этом последняя, XII строфа, напечатанная Анненковым почти совершенно правильно по перебеленному (беловому) автографу:

Плывет... Куда ж нам плыть?

.....

¹ Сочинения Александра Пушкина, т. IX. СПб., 1841, стр. 207—211.

² Сочинения Пушкина. Изд. П. В. Анненкова. Т. II. СПб., 1855, стр. 517—520 (под 1830 г.). В примечаниях (стр. 540—541) Анненков привел всю зачеркнутую <XI> строфу белового автографа («Стальные рыцари, угрюмые султаны...»), а также эпиграф из Державина, почему-то не включенный в текст посмертного издания.

³ См.: Русская старина, 1884, т. XLIII, июль, стр. 49—50 (черновой); т. XLIV, октябрь, стр. 86 (беловой). Беловой (или перебеленный) с поправками автограф, являющийся окончательным текстом, — ПД, № 969 (бывш. ГБЛ, № 2377-А, № 10).

В изданиях 1887 г. она приняла такой вид:

Плывет... Куда ж нам плыть? Какие берега
Теперь мы посетим? Египет колоссальный,
Скалы Шотландии, иль вечные снега...⁴

В этой произвольной редакции, с теми или иными изменениями, стихотворение печаталось после 1887 г. во всех дореволюционных изданиях, включая венгеровское,⁵ и даже в первом послереволюционном издании, под редакцией В. Я. Брюсова, где текст был особенно ухудшен.⁶ Перечень отклонений от белого подлинника приведен, хотя и не очень точно, М. Л. Гофманом в его статье «Посмертные стихотворения Пушкина».⁷ Точный текст белого автографа впервые воспроизведен лишь Б. В. Томашевским в первом однотомнике под его редакцией⁸ и с тех пор повторяется всеми советскими изданиями, включая академическое (III, 318—321, 916—937).

Таковы основные моменты истории печатного текста «Осени» за столетие от посмертного издания (1841) до академического (1948).

Что касается изучения стихотворения, то начиная с Анненкова и до нашей современности им занимались в том или ином плане почти все комментаторы, биографы, исследователи Пушкина; особенно много их трудов приходится на последние десятилетия — пятидесятые и шестидесятые годы нашего столетия. В работах современных литературоведов, и в первую очередь пушкинистов, сделано немало для изучения и истолкования этого сложного и многосмысленного стихотворения. Но оно принадлежит к тем произведениям Пушкина, изучение которых никогда не будет исчерпано.

2

Несмотря на значительную исследовательскую литературу, посвященную «Осени», стихотворение вызывает еще вопросы, требующие разрешения или по крайней мере пересмотра и уточнения.

⁴ Сочинения Пушкина. Под ред. П. О. Морозова. Т. II. СПб., 1887, стр. 105; А. С. Пушкин. Полное собрание его сочинений. Под ред. П. А. Ефремова. Т. II. СПб., 1887, стр. 237 (с искажением третьего стиха: «Или скалы Шотландии, иль снег...»).

⁵ Пушкин. «Сочинения». Под ред. С. А. Венгера. Т. III. СПб., 1909, стр. 86. Здесь введена (в скобках) в основной текст XI строфа, зачеркнутая в рукописи («Стальные рыцари, угрюмые султаны...»), а в примечания — некоторые черновые варианты XIII строфы.

⁶ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений... Ред. Валерия Брюсова. Т. I, ч. 1. М., 1919, стр. 326—327.

⁷ См.: Пушкин и его современники, вып. XXXIII—XXXV. Пб., Изд. Акад. наук, 1922, стр. 349—357.

⁸ А. Пушкин. Сочинения. Л., ГИЗ, 1924, стр. 93 (и следующие издания).

Прежде всего, это вопрос о его датировке. В посмертном издании (1841) такой вопрос не был даже поставлен, так как хронологический принцип был им начисто отвергнут. Анненков, говоря в «Материалах» о болдинской осени 1830 г., отнес к этому периоду и «Осень», как «написанную вчерне тогда же» картину природы.⁹ На этом основании он в своем издании поместил «Осень» под 1830 г., хотя в примечаниях, основываясь на подзаголовке в беловой рукописи: «1833. Болдино», указал на 1833 г. как на время завершения стихотворения: «„Осень“, — говорится здесь, — написана Пушкиным в 1830 г. в Болдине и еще переписана им набело в 1833 г., тоже в Болдине, но уже с замечательными поправками».¹⁰

Датировка «Осени» 1830 г. прочно утвердилась во всех последующих дореволюционных изданиях, несмотря на приведенное выше замечание Анненкова и на то, что В. Е. Якушкин в описании спитой жандармами «тетради» Румянцевского музея № 2377-А (теперь ПД, № 969) привел полностью заглавие и подзаголовок белого автографа.¹¹ Такая датировка стихотворения подкреплялась в особенности местонахождением черновой его рукописи в рабочей тетради ГБЛ, № 2371 (теперь ПД, № 838), описанной также Якушкиным.¹² П. О. Морозов в примечаниях к «Осени» во втором из отредактированных им изданий именно этим — местом в рукописи — мотивировал датировку работы Пушкина над стихотворением. «Черновое, — писал комментатор, — по занимаемому им в тетради месту заставляет предполагать, что стихотворение, может быть, написано не в 1830, а в 1828 г. (рядом с ним — наброски из VII-й главы «Онегина», тут же «Бесы», а дальше — черновая «Полтава»)».¹³ В более осторожной форме выражена Морозовым та же мысль в издании под редакцией С. А. Венгерова.¹⁴ М. Л. Гофман в 1922 г. в статье «Посмертные стихотворения Пушкина, 1833—1836 гг.», публикуя текст белого автографа «Осени», указал дату, поставленную самим Пушкиным в подзаголовке — «1833», но опять-таки

⁹ Сочинения Пушкина. Изд. П. В. Анненкова. Т. I. СПб., 1855, стр. 307—308.

¹⁰ Там же, т. II, стр. 517 и 540, а также 539—540 (в примечании к отрывку «Осеннее чувство» («Как быстро в поле, вокруг открытом...»), который, по мнению издателя, «есть не что иное, как первая мысль стихотворения „Осень“»). Подзаголовок в беловой рукописи зачеркнут карандашом — вероятно, самим Пушкиным.

¹¹ См.: Русская старина, 1884, т. XLIV, октябрь, стр. 86. Быть может, сохранению ошибочной даты способствовала опечатка в публикации Якушкина: «1883» вместо «1833».

¹² См.: Русская старина, 1884, т. XLIII, июль, стр. 49—50.

¹³ Сочинения и письма А. С. Пушкина, т. II, СПб., «Просвещение», 1903, стр. 135 (текст, под 1830 г.) и 501 (примечания).

¹⁴ Пушкин и в. «Сочинения». Под ред. С. А. Венгерова. Т. V. СПб., 1911, стр. LVI—LVII. Текст см.: т. III, 1909, стр. 84.

как дату завершения работы поэта над стихотворением.¹⁵ Лишь начиная с однотомника, изданного ГИЗом в 1924 г.,¹⁶ «Осень» печатается под 1833 г. во всех изданиях.

Но в то же время Гофман, отметив, что «черновики этой пьесы находятся среди черновиков произведений 1828 года», высказал, повторяя указание Морозова, предположение (как «возможное»), что «первая мысль и первые наброски „Осени“ принадлежат и к 1828 году», т. е. что стихотворение во всяком случае написано в два приема: в 1828 или 1830 г. (черновик) и в 1833 г. (беловой текст).

Датировка 1830 г. находила также, казалось бы, беспорное подтверждение в двух списках стихотворений, составленных Пушкиным для издания 1832 г. («Стихотворения Александра Пушкина. Третья часть»). Оба списка были напечатаны еще в 1913 г. П. О. Морозовым,¹⁷ но полностью расшифрованы и прокомментированы лишь в 1925 г. Б. В. Томашевским,¹⁸ а еще раз пересмотрены в 1935 г. Л. Б. Модзалевским и М. А. Цявловским.¹⁹ В эти списки, содержащие стихотворения, написанные в 1829, 1830, 1831 гг., и некоторые другие, не вошедшие в сборники 1829 г., включено стихотворение (судя по месту в списках — в обоих одно и то же), обозначенное в первом (черновом) списке как «Осень. I окт.», а во втором (перебеленном) — «Осень в деревне. 1830». Первое название расшифровано Б. В. Томашевским, а за ним и М. А. Цявловским как «Осень. Первые октавы»²⁰ и, так же как и «Осень в деревне. 1830», отнесено к стихотворению «Осень» («Октябрь уж наступил...»), датируемому, следовательно, якобы самим Пушкиным 1830 г. Как согласовать эту дату с датой «1833», поставленной, тоже самим Пушкиным, на белой рукописи, Б. В. Томашевский не пояснял; но приведенная выше публикация М. Л. Гофмана (1922) и датировка в однотомнике 1924 г. подразумевают такую схему (уже ранее данную П. О. Морозовым): «Осень», или по крайней мере ее первые строфы, написана вчерне в 1830 г., а завершена и перебелена

¹⁵ См.: Пушкин и его современники, вып. XXXIII—XXXV, стр. 349—354.

¹⁶ А. Пушкин. Сочинения в одном томе. Ред. Б. Томашевского и К. Халабаева. Л., ГИЗ, 1924, стр. 93.

¹⁷ П. О. Морозов. Из заметок о Пушкине. II. Пушкинские перечни стихотворений. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. XVI. СПб., 1913, стр. 116—121. В настоящее время оба списка хранятся в Институте русской литературы АН СССР (ПД, №№ 515 и 716).

¹⁸ Б. Томашевский. Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., «Просвещение», 1925, стр. 114—117.

¹⁹ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., «Academia», 1935, стр. 256—263.

²⁰ По словам Б. В. Томашевского, «Морозовым неверно прочтено: „Осень 1 окт.“ (можно подумать 1 октября) вместо „Осень I окт.“ (т. е. первые октавы)» (Б. Томашевский. Пушкин. Современные проблемы..., стр. 115).

в 1833 г. и, следовательно, относится к обеим болдинским осениям. На самом же деле это не так, и справедливо чтение списка, подсказываемое Морозовым: «Осень 1 окт<ября>», хотя в автографе здесь и стоит римская единица.

В примечании к стихотворению «Осень», вошедшему в академическое издание под 1833 г. (III, 318—321), автор настоящей статьи, готовивший «Осень», дал сведения, следующие за определениями Б. В. Томашевского и М. А. Цявловского: «Под обозначением „Осень. I окт<авы>“, „Осень в деревне. 1830“ вошло в списки стихотворений, предназначенных для изданий...», но здесь же, в явное противоречие с этими словами, заключил: «Датируется как черновой текст <...>, так и перебеленный <...> 1833 г.»; в пояснение этого противоречия было отмечено в сноске: «Текст 1830 г. неизвестен; черновой автограф ЛБ 2371, относящийся несомненно к 1833 г., не носит никаких следов перебелки с какой-либо предшествующей ему рукописи» (III, 1248).

Это противоречивое и неясное примечание нам пришлось пояснить в другой, позднейшей работе.²¹ Здесь мы пришли к убеждению, что «сокращенное обозначение „Осень. I окт.“ нужно читать „Осень 1 окт.<ября>“ и обозначенное так стихотворение — это „Румяный критик мой, насмешник толстопузый...“, помеченное в белой рукописи датой перед текстом (как эпиграфом-заголовком, подобным «26 мая, 1828»): „1 окт<ября> 1830 Болд.<ино>“, а на обороте, после конца всего текста: „10 окт.<ября>“» (III, 844).

Таким образом, два стихотворения, посвященные изображению осени в деревне, относятся, по нашему убеждению, к двум разным моментам жизни Пушкина: одно — «Румяный критик мой, насмешник толстопузый...», обозначенное в списках как «Осень. 1 окт.<ября>» и «Осень в деревне. 1830», — к первой болдинской осени, 1830 г.; другое, не вошедшее (разумеется!) в списки стихотворений 1829—1831 гг., — «Октябрь уж наступил — уж роща отряхает...» — ко второй болдинской осени, 1833 г. Глубокая разница в тональности одного и другого стихотворений очевидна, и ее нельзя не учитывать при анализе.²²

²¹ См.: Н. В. Измайлов. Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. II. М.—Л., Изд. АН СССР, 1958, стр. 16—17.

²² Д. Д. Благой, принимая наше предположение, что «Осень. I окт.» в первом списке означает стихотворение 1830 г. «Румяный критик мой...», сомневается в том, что и «Осень в деревне. 1830» второго списка относится к нему же, и считает такое отнесение «более спорным», не делая, однако, из этого определенных заключений, но применяя всю образную систему «Осени» («Октябрь уж наступил...»), воплощающую творческий процесс, к болдинской осени 1830 г.: об этом «знаменитом стихотворении» исследователь говорит как о «созданном в 1833 году, в том же Болдине, но, возможно, задуманном ранее». См.: Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., «Сов. писатель», 1967, стр. 454—458, 692.

Необходимо, однако, ответить на один — и немаловажный — вопрос: какие есть у нас основания, чтобы относить черновую рукопись «Осени» к 1833 г., а не к 1830 или даже 1828 г., как считали Морозов и другие комментаторы? Основанием для них было «место в рукописи» — в рабочей тетради, занятой преимущественно произведениями 1828 г.²³ Но при более внимательном изучении выясняется, что положение в рукописи (в редких случаях являющееся бесспорным аргументом) не может служить основанием для подобной датировки черновика «Осени».

Рабочая тетрадь Пушкина, называемая С. М. Бонди «Красным альбомом»²⁴ — ПД, № 838 (бывш. ГБЛ, № 2371),²⁵ заполнялась поэтом преимущественно в 1828 г., когда он, начав ее черновыми строфами VII главы «Евгения Онегина», далее поместил ряд черновых текстов, относящихся к весне, лету и осени 1828 г. и в ряде случаев точно датированных. Большую часть тетради занимает черновик «Полтавы», начатый 5 апреля, писавшийся с перерывами летом и затем, с огромным творческим напряжением, в сентябре и первой половине октября; заканчивается он «Посвящением» поэмы, датированным «27 октября 1828». За ним следуют стихотворение «В прохладе сладостной фонтанов...», датированное между 27 октября и 4 ноября 1828 г. (III, 1169), и строфы VII главы «Евгения Онегина» (конец главы в белой рукописи помечен «4 ноября. Малинники» — VI, 618 и 661). Далее идут тексты, принадлежащие к разным годам и записанные частично с другого конца тетради. Так, черновик «Легенды» («Был на свете рыцарь бедный...») датируется 1829 г.; план повести «Кирджали» — 1833 или 1834 г.; черновик «Осени», занимающий лл. 78₂—82₁, мы относим к октябрю 1833 г. За «Осенью» следуют: черновой набросок к «Бесам», датируемый предположительно октябрем—началом ноября 1829 г. (III, 1212); черновик начала «Русалки», датируемый, также предположительно, периодом между осенью 1830 и апрелем 1832 г.;²⁶ наброски к повести «На углу маленькой площади...», которые датируются 1829—1831 (?) гг.; среди этих набросков XXVIa строфа VIII главы «Евгения Онегина» («Смотрите, в залу Нина входит...», 1830). Наконец, следуют черновые тексты, относящиеся к осени 1828 г. и начинающие другой конец тетради: «Шотландская песня» («Ворон

²³ В. В. Гиппиус в статье «Неоконченная строфа чернового текста „Осени“» (Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, вып. 3. Л., Изд. АН СССР, 1937, стр. 19) утверждал, что «по положению в тетради данный текст датируется 1829 годом». Указание это ничем не поясняется.

²⁴ См.: Пушкин. Полное собрание сочинений, т. VII. Л., Изд. АН СССР, 1935, стр. 610.

²⁵ Ее описание см.: В. Е. Якушкин. Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве. — Русская старина, т. XLIII, 1884, июль, стр. 38—54.

²⁶ См.: Пушкин. Полное собрание сочинений, т. VII, 1935, стр. 620—621. Здесь, однако, С. М. Бонди датирует черновик «Осени» 1830 г.

к ворону легит...»), отрывок повести «Гости съезжались на дачу...», начало II песни «Полтавы», «Цветок», «Чернь» («Поэт и толпа»).

Таково вкратце содержание тетради. Из этого обзора видно, что в ней более или менее точно датируются лишь тексты 1828 г., другие же принадлежат разным годам — с 1829 по 1834 г., и почти все они датируются предположительно. Очевидно, для датировки черновика «Осени» 1830 г. по «положению в рукописи» нет оснований; правда, и для датировки 1833 г. ее местоположение также не может служить твердым основанием; однако и против такой датировки нет прямых возражений, так как окружающие «Осень» тексты идут хронологически в полном беспорядке. Что же дает нам в таком случае право утверждать, что черновик «Осени» написан в октябре 1833 г., во вторую болдинскую осень?

Основанием к этому является его почерк. Черновик написан тонким и мелким почерком, почти без нажимов, несомненно стальным, а не гусиным пером, — совершенно так же, как и черновик «Медного всадника», писавшийся с 6 по 31 октября 1833 г. «Медный всадник» — вообще первое произведение Пушкина, написанное стальным пером; одновременно с ним писалась и «Осень». Тем же пером и почерком переписаны беловые обоих произведений. Быть может, однако, такое основание представляется недостаточным? Далее мы постараемся подтвердить нашу датировку другими соображениями, основанными на глубокой разнице в тоне лирики 1830 и 1833 гг.

Итак, стихотворение «Осень», от первых его набросков до завершения беловой рукописи, написано, по нашему убеждению, во вторую болдинскую осень — 1833 г. Замысел его явился у Пушкина вскоре после приезда в Болдино из поездки по местам Пугачевского восстания (1 октября) и был стимулирован непосредственными впечатлениями деревни и наблюдавшимся в пути ранним наступлением осенней погоды.²⁷ 6 октября поэт начал писать вчерне, с громадным творческим подъемом, «Медного всадника». Серединой месяца следует, по-видимому, датировать начало работы над «Осенью»: в черновом автографе после V строфы стоит помета «19 окт<ября>» (III, 924); окончание работы должно датироваться 20-ми числами или концом октября.

3

Но выполнение замысла не сразу далось поэту. О ряде колебаний в выборе метра и об остановках в работе свидетельствуют

²⁷ См. письмо к Н. Н. Пушкиной от 2 октября, где читаем: «... я в Болдине со вчерашнего дня»; далее описывается путешествие от Оренбурга через Уральск, когда на возвратном пути он был застигнут первым осенним дождем, а затем и снегом, и «обновил зимний путь, проехав верст 50 в санях» (XV, 83).

рисунки на первых страницах чернового автографа: на первой, левой по порядку тетради (ПД, № 838, л. 78₂) летящие птицы, нарисованные сложными росчерками — обычным для Пушкина приемом, женские ножки и голова бородатого крестьянина в профиль, остриженного в скобку, — это, быть может, «мой староста брадатый»;²⁸ на второй, правой странице (л. 79₁) тщательно выполненная группа из трех «барышень» (средняя, по-видимому, старше других и изображает замужнюю даму) и одного молодого человека, видимо, в гостиной (одна из девушек сидит на диване, за которым, опираясь на спинку, стоит молодой человек): возможно, что здесь намечается одна из дальнейших тем стихотворения (см. окончание строфы XI, зачеркнутой в окончательном тексте: «И [вы любимицы] златой моей зари, [Вы барышни мои]...» и т. д.).²⁹ Рисунок, изображающий барышню «С надутой грудью — с открытыми плечами», сделан у чернового текста той же <XI> строфы, на л. 81₂.

Метрическая форма «Осени» менялась дважды и даже трижды в начале работы. Первоначально, на л. 79₁, Пушкин думал писать стихотворение привычным ему издавна стихом — четырехстопным ямбом:³⁰

²⁸ См.: Абрам Эфрос. Рисунки поэта. М., «Academia», 1933, № 104, стр. 309 (репродукция) и 430—431 (комментарий).

²⁹ См.: там же, № 105, стр. 311 (репродукция) и 431—432 (комментарий). По замечанию В. Е. Якушкина (Русская старина, 1884, т. XLIII, июль, стр. 49), в котором А. Эфрос видит «известное правдоподобие», «может быть, это Татьяна, ее мать, сестра и Ленский, сообщающий о предстоящем приезде Онегина — глава III, строфа XXXVI». Это наблюдение действительно имеет основание: одна из «барышень» явно смущена, взволнована и потому отвернулась от других лиц, внимательно (кроме старшей дамы) следящих за ней. Но связывать этот рисунок, как делает Эфрос, с желанием Пушкина перейти на «онегинский размер», едва ли возможно. Скорее, рисунок связан с мыслями о возвращении к роману, на чем настаивал П. А. Плетнев: см. набросок «онегинской» строфы, обращенный к нему и датированный предположительно тем же октябрём 1833 г. — «Ты хочешь, мой наперсник строгий...» (III, 326; в других набросках на ту же тему, относящихся к сентябрю 1835 г., передаются советы друзей поэту рисовать «и франтов городских, и милых барышень своих» — III, 397). Следует отметить, что В. С. Мейлах (в кн.: Художественное мышление Пушкина как творческий процесс. М.—Л., Изд. АН СССР, 1962, стр. 227) считает невозможным видеть в рисунке сцену из «Евгения Онегина»: «...достаточно взглянуть на рисунок, и в частности в фигуру молодой беременной женщины, чтобы отвергнуть подобное предположение». Но как бы то ни было, этот рисунок связан с мыслями поэта об «уездных барышнях», его «любимицах».

³⁰ См. III, 918—919, где варианты даны полнее и подробнее, но в несколько ином порядке, в настоящей статье пересмотренной мною. Основное различие состоит в том, что в противовес всем исследователям, рассматривавшим черновую рукопись, в том числе и нашему собственному пониманию (см. III, 917—919), мы теперь считаем первоначальным четырехстопный текст на л. 79₁, а не шестистопный на стр. 78₂, образующий октаву.

Уж осень холодом дохнула
[На обнаженные поля —]
Уже дубрава отряхнула
Последний лист — [уже земля]
[Морозом по утрам белеет]
[И стынет пруд —]

Два последних стиха переделаны:

Белеет утренней порою
[Еще прозрачную корою]
[Промерзли колеи]

Ниже, после черты, следует:

Недавно топкая дорога
Замерзала глыбами; по ней
Гремят копыта лошадей — ³¹

Остановившись на этом и отчеркнув написанное, поэт попробовал для двух последних стихов другой размер — шестистопный ямб с парной рифмовкой:

Промерзла глыбами — и тонкий лед стеклом <?>
В глубоких колеях трещит под колесом.

Затем последовал перерыв в работе, раздумья о дальнейшем ее направлении, выразившиеся в описанных выше рисунках на том же листе 79, и, вероятно, в некоторых набросках женских ножек на соседней странице — л. 78₂, сделанных еще до нанесения стихотворного текста. Последний строится как шестистопный ямб с тройными рифмами (что дает уже определившуюся октаву, без заключительного двустипшия) и принимает такой вид (даем последнее чтение, минуя предшествующие варианты): ³²

<Октябрь> уж наступил — с нагих своих ветвей
Последний лист уже дубравы отряхают —
<По не>бу хладные предвестники дождей —
<Тум>аны стелятся — и солнце затмевают —
Под жернов мельницы бежит еще ручей —
[<Но> пруд уже застыл — и лед]
<Т>еперь моя пора — Мороз
Полезен русскому здорovью

Наметив таким образом тему II строфы, но еще не подобрав к ней рифм и их расположения (строфа не могла начинаться сти-

³¹ Эти стихи составляют, быть может, неполную «онегинскую строфу», давая 10 стихов из 14, именно 1—4, 5—8 и незаконченный 7-й («Промерзли колеи») или 12—14, без 8—11. Но определенное заключение здесь едва ли возможно.

³² См. III, 917—918; левый край листа (с началами стихов) оторван.

хом мужского окончания), поэт вновь остановился, стал рисовать вокруг написанного текста арабески-птицы, а затем, отделив последние написанные (с пропусками) стихи чертою, вернулся вновь к размеру, с которого начал, — к четырехстопному ямбу:

«Уже дубрава отряхнула
«Свои» последние листы. . .

Но это возвращение осталось без дальнейшего развития; лишь повторив почти точно 3-й и 4-й стихи текста, бывшего на предыдущей странице (см. выше, стр. 230), и перевернув лист, Пушкин стал (с л. 79₂) писать свое стихотворение сначала, уже твердо определившимся метром — шестистопными ямбами в октавах.

Октава не впервые явилась у Пушкина в «Осени»: еще в 1821 г. он применил эту своеобразную строфу в медитативном стихотворении, посвященном воспоминаниям о любимой им Тавриде, — «Кто видел край, где роскошью природы. . .». Позднее, в первую болдинскую осень 1830 г., Пушкин написал октавами «Домик в Коломне», создав законченный тип русской октавы — пятистопными ямбами, с чередующимися построчно мужскими и женскими окончаниями первых и последних стихов, — тип, вошедший широко в русскую поэзию XIX в.³³

Через три года, во вторую болдинскую осень, поэт вернулся к октаве, притом в необычном для нее шестистопном размере, для стихотворения, представляющего раздумья поэта, его настроения, беседу с самим собою и с читателем. Замедленное и широкое течение шестистопных ямбов с постоянными цезурами на третьей стопе, организованных в замкнутые строфы с тройными рифмами и заключительными двустопными-концовками, с правильно чередующимися построчно мужскими и женскими окончаниями, оказалось как нельзя более подходящей формой для его медитации.³⁴ К тому же, именно в этот последний и самый зрелый период своей творческой жизни — в 1830-х годах — Пушкин особенно охотно и часто прибегал к длинному, шестистопному ямбическому стиху для выражения своих самых значительных и сокровенных размышлений.

³³ О пушкинских октавах см.: Н. В. Измайлов. Из истории русской октавы. — В кн.: Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. Л., «Наука», 1971, стр. 102—110.

³⁴ Октава и позднее появлялась в творчестве Пушкина, по крайней мере в его замыслах. В 1834 или 1835 г., составив план драмы о папессе Иоанне, Пушкин колебался между драматической формой, которая, однако, по его мнению, «слишком будет напоминать „Фауста“, и формой поэмы в стиле «Кристалль» (Кольриджа) «или же в октавах» («ou bien en octaves» — VII, 256), т. е. в духе поэм Ариосто и Тассо. В сентябре 1835 г. он начал писать октавами (в пятистопных ямбах) ответ Плетневу на совет его продолжать «Евгения Онегина» («Ты мне советуешь, Плетнев любезный, Оставленный роман наш продолжать. . .» — III, 395 и 989—992).

Черновой автограф «Осени», в его последних и даже предшествующих им чтениях основных строф (с I по X), немногим отличается от текста перебеленной рукописи.³⁵ Существенные отличия, дающие иную редакцию в виде строфы <XI> перебеленного текста («Стальные рыцари, угрюмые султаны...»), тут же зачеркнутой, или в виде строф, только намеченных в черновике и не доведенных до белого (<XIa> — «И тут беру перо — друзья мои поэты...»; продолжение строфы <XII> (в перебеленной рукописи — XIII) — «какие берега Теперь мы посетим...»),³⁶ — эти отличия, как видно, относятся к заключительной части стихотворения.

Общий план «Осени» — стихотворения, которое можно было бы назвать отрывком из лирической поэмы,³⁷ на что указывает и подзаголовок «Отрывок», — логически ясен и отчетлив: интродукция — беглая картина осени в деревне в ее характеристических чертах, как ее видел поэт, живя в Болдине в октябре 1833 г. (строфа I); сопоставление осени с другими временами года — весной, зимою, летом — в их восприятии автором (строфы II—IV); возвращение к осени — не в виде объективного ее описания, но в плане ее воздействия на поэта и его отношения к ней (строфы V—IX; последняя заканчивается переходом к новой, основной по существу теме стихотворения — размышлениям поэта перед «камельком»). Главная тема стихотворения — пробуждение поэзии в сознании поэта, когда неопределенные образы, «плоды мечты» его конкретизируются в свободно льющихся стихах (строфы X—XII, к которым относятся и упомянутые выше наброски, не вошедшие в окончательный текст — строфы <XI>, <XIa>, <XIII>); последняя, как сказано, является продолжением строфы XII окончательного текста).

Центральная тема стихотворения указана и подчеркнута его эпиграфом — строкой из «Жизни Званской» Державина: «Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?». Эпиграф отсутствует в черновом тексте и введен лишь в окончательную беловую рукопись — выписан на отдельной странице. Но нет сомнения, что послание Державина «Евгению» (Болховитинову) было в памяти Пушкина, когда он задумывал «Осень», и последняя в известной мере полемична по отношению к «Жизни Званской».³⁸

³⁵ Черновой текст — ПД, № 838, лл. 79₂, 80₁₋₂, 82₁ (III, 919—930); перебеленный текст — ПД, № 969 (III, 935—937).

³⁶ ПД, № 838, лл. 81₂—82₁ (III, 916—917, 930—932, 934—935, 936—937).

³⁷ «Целой лирической поэмой» назвал ее Белинский, см.: В. Г. Белинский и др. Полное собрание сочинений, т. V. М.—Л., Изд. АН СССР, 1954, стр. 274.

³⁸ См. тонкое истолкование этого эпиграфа в кн.: Г. А. Гуковский. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., Гослитиздат, 1957, стр. 112 и сл.

Первая строфа «Осени» представляет собой, как уже сказано, интродукцию, пролог ко всему стихотворению. В ней намечены легкими штрихами признаки наступившей глубокой осени — падающие с ветвей последние листья, промерзающая дорога, застывший пруд и еще журчащий ручей; всего подробнее намечен характерный признак осени в помещичьей жизни — псовая охота, с которой сосед-помещик выезжает в «увядшие» («широкие», «открытые» и наконец «отъезжие») поля; «отъезжие поля» не оценочно-описательный эпитет, но лишь самое точное определение. Особенно тщательно обработано заключительное двустишие:

- а. И жалуется мне мой староста брадатый,
Что топчет озими он скачкой (не окончено)
б. И жалуется мне мой староста лукавый,
Что терпят озими от бешеной забавы
в. И терпят озими от бешеной забавы
И звучат мои дубравы
г. *Последний стих:*
[И вторят] [И дразнят] Тревожит лай собак
пустынные дубравы.

Наряду с псовой охотой характерным явлением помещичьего быта предстает в черновике «мой староста брадатый» или «лукавый». Ср. «сатирическое стихотворение» в «Истории села Горюхина»:

Ко боярскому двору
Антон староста идет...
(VII, 137)

и набросок 1828 г. «Брадатый староста Авдей...» (III, 138 и 705). Но от этой бытовой фигуры Пушкин отказался, заменив ее поэтическим образом уснувших дубрав, разбуженных лаем гончих.

Интродукция завершается восклицанием «Теперь моя пора!», открывающим вторую строфу. Далее, в следующих трех (II—IV) строфах, в беседе с самим собой и с читателем, поэт сжато формулирует свое отношение к другим временам года — весне, зиме, лету, с тем чтобы от них вернуться окончательно к осени (в строфе V). Краткие очерки дают некоторые характеристические черты каждого из трех, кроме осени, времен года — не столько объективные картины природы, сколько авторское отношение к ним, почему стихотворение не может быть в собственном смысле причислено к описательной, пейзажной лирике. Каждый из очерков времен года может быть сопоставлен с другими, предшествующими произведениями поэта; в этом смысле «Осень» представляет собой своего рода синтез целого ряда более ранних высказываний.

Так, краткая формула восприятия поэтом весны во II строфе:

... я не люблю весны;
Скучна мне оттепель; вонь, грязь — весной я болен;
Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены, —

повторяет начальные строфы VII главы «Евгения Онегина», особенно II строфу («Как грустно мне твое явленье, Весна, весна! пора любви!» и т. д.), и черновой набросок к главе IV:

С каким-то грустным наслаждением
Я упиваюсь дуновеньем
Живой прохлады — но весна
У нас не радостна — она
Богата грязью — не цветами
и т. д.
(VI, 359—360)

Эти описания — или, вернее, суждения поэта о весне — даны в иной тональности, нежели в «Осени», без той легкой шутливости, какой проникнуты строфы последнего стихотворения, посвященные временам года.

Подобный же характер имеют суждения о зиме (строфы II и III) и, в меньшей степени, о лете (строфа IV). Говоря о зиме, поэт отбирает то, что в ней есть красивого и поэтического, характерного притом для усадебной жизни. И подобный же прием для изображения русской зимы — пусть и петербургской, но в такой же мажорной тональности — мы видим во вступлении к «Медному всаднику», писавшемуся одновременно с «Осенью»:

Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы широкой,
Девичьи лица ярче роз...
(V, 136—137)

Наконец, нельзя не привести четверостишия из наброска 1828 г., который Анненков прямо считал «первою мыслью» «Осени»:

Полезен русскому здоровью
Наш укрепительный мороз:
Ланиты, ярче вешних роз,
Играют холодом и кровью.³⁹
(III, 140 и 707)

³⁹ См.: Сочинения Пушкина. Изд. П. В. Анненкова. Т. II, стр. 539—540; автограф — ПД, № 908. Интересно отметить, что в большинстве приведенных здесь и ниже текстов применяется в разных вариациях рифма, уже ставшая вполне традиционной и предложенная иронически самим Пуш-

Ироническая вторая половина III строфы, завершающая зимние впечатления: «Но надо знать и честь; полгода снег да снег...» и т. д., до заключительного стиха: «Иль киснуть у печей за стеклами двойными», — близко повторяет одну из черновых строф (XXIVд) четвертой главы «Евгения Онегина», не вошедшую в окончательный текст и частично перенесенную в XL строфу:

Не шум дубрав, ни тень, ни розы —
В удел нам отданы морозы,
Мягель, свинцовый свод небес,
Безлиственный сребристый лес
и т. д.
(VI, 360—361)

Эту черновую строфу «Евгения Онегина» сближает со строфами «Осени» ее шутливо-иронический тон, особенно усиливающийся в заключениях. Ср. в «Евгении Онегине»:

Двойные стекла, банный пар,
Халат, лежанка и угар —

и в «Осени»:

Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

Труднее найти соответствия в предшествующем творчестве Пушкина для строфы IV «Осени», посвященной восприятию лета.

киным привыкшему к ней читателю в XLII строфе IV главы «Евгения Онегина»:

И вот уже трещат морозы
И серебрятся среди полей
(Читатель ждет уж рифмы *розы*;
На, вот возьми ее скорей!)
(VI, 90)

В стихотворении «2 ноября» (1829) читаем:

Но бури севера не вредны русской розе.
Как жарко поцелуй пылает на морозе!
(III, 182)

Два первых стиха приведенного четверостишия из наброска 1828 г.:

Полезен русскому здоровью
Наш укрепительный мороз —

текстуально почти совпадают со вторым стихом VIII строфы «Осени»:

Здоровью моему полезен русский холод.

Это, однако, не дает еще права видеть в наброске 1828 г. «первую мысль» «Осени», написанной через пять лет; скорее, это формула, закрепленная в сознании поэта.

Можно указать описание деревенской летней жизни Онегина в XXXVII—XXXIX строфах IV главы романа, но там это описание дано в объективной, повествовательной форме, соответственно требованиям романа, и притом не с авторской точки зрения, а с точки зрения его персонажа, Онегина. В этом существенное различие между строфами романа и лирическими раздумьями болдинской осени 1833 г.

С V строфы поэт переходит к теме осени, которой в отличие от беглых очерков других времен года посвящает пять строф (V—IX), настроения и размышления которых подводят к главной теме стихотворения — к теме поэтического творчества.

В разные периоды жизни и соответственно разным творческим заданиям осень вызывала у Пушкина очень различное отношение. В первые месяцы михайловской ссылки он видит в осенней природе лишь контраст с тем, что только что оставил в Одессе, на берегах Черного моря:

Ненастный день потух; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Как привидение, за роцею сосновой
Луна туманная взошла...
Все мрачную тоску на душу мне наводит...
(II, 348)

И от этого мрачного пейзажа — резкий переход к оставленному на юге:

Далеко, там, луна в сиянии восходит
и т. д.⁴⁰

Сосредоточенно-грустное настроение вызывает у «изгнанника» осень при воспоминании о далеких друзьях: таково «19 октября» 1825 г., где вместе с тем чувствуются и успокоенность, и надежда на будущее, выраженные в эпитетах и образах, получивших развитие в позднейшей «Осени»:

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край окрестных гор...
(II, 424)

В следующие годы, по окончании ссылки, он возвращался в свою деревню уже в ином настроении. С этого времени осень становится, как известно, почти ежегодной порой его усиленных литературных трудов, временем подъема поэтического вдохновения. «Я убежал в деревню, почуя рифмы», — пишет он М. П. Погодину во второй половине августа 1827 г. (XIII, 339), и тут же,

⁴⁰ Ср. написанное в те же дни, в конце октября 1824 г., письмо к В. Ф. Вяземской, известное по черновику (XIII, 114 и 398).

как бы в подтверждение своих слов, приводит написанное незадолго до этого (15 августа) стихотворение «Поэт» («Пока не требует поэта»). Иногда подобное действие осенней поры сказывается и в городских, петербургских условиях.⁴¹

В конце августа 1830 г., уезжая из Москвы в Болдино столько же ради творческих планов, сколько и по делам, связанным с его материальным положением и с предстоящей женитьбой, он пишет Плетневу слова, которые кажутся программой стихотворения «Осень», написанного, однако, лишь через три года: «Осень подходит. Это любимое мое время — здоровье мое обыкновенно крепнет — пора моих литературных трудов настает <...> Еду в деревню, бог весть буду ли там иметь время заниматься и душевное спокойствие, без которого ничего не произведешь, кроме эпиграмм на Каченовского» (XIV, 110). Холерная эпидемия, окружившая Болдино полным уединением, отрезавшая поэта от Москвы, доставила ему «время заниматься» и такие волнения, какие, быть может, способствовали необычайному подъему творческой энергии. Но «душевного спокойствия», конечно, не было: он чувствовал себя перед коренной переменой в жизни, перед неизвестным и темным будущим, он прощался со своим прошлым, и все это отразилось на характере поэтического творчества первой болдинской осени — характере трагическом и сосредоточенно-мрачном в таких произведениях, как «маленькие трагедии», тоскливые строфы в «шутливой» повести «Домик в Коломне», две из «Повестей Белкина» — «Выстрел» и «Станционный смотритель», завершающие строфы «Путешествия» Онегина (см. VI, 506) и VIII (тогда IX) главы романа (см. VI, 637) и целый ряд лирических стихотворений. В особенности знаменательны — в сопоставлении с «Осенью» — мрачно-сатирические изображения русской крепостной деревни в «Истории села Горюхина» (под маской добродушного и недалекого «историка» — И. П. Белкина) и в стихотворении «Румяный критик мой, насмешник толстопузый...» — одним из самых замечательных по своему реализму, художественной правде и обличительной силе в творчестве Пушкина. Тонкий анализ мотивов, способствовавших возникновению замысла стихотворения, данный Б. С. Мейлахом, разъяснил смысл обращения поэта к «румяному критику», который раскрывается как Булгарин.⁴² Для нас важно, однако, не столько это полемическое обращение Пушкина, сколько характер восприятия и изображения им осеннего пейзажа в крепостной деревне: стихотворение написано между 1 и 10 октября — почти в те же числа, в какие три года спустя будет написана «Осень».

⁴¹ О работе Пушкина над «Полтавой» в Петербурге в сентябре—октябре 1828 г., когда «погода стояла отвратительная», красочно рассказывает с его слов М. В. Юзефович (Русский архив, 1880, кн. III, стр. 441).

⁴² См.: Б. Мейлах. Художественное мышление Пушкина как творческий процесс, стр. 151—157.

И эта поразительная, глубочайшая разность в отношении поэта к одной и той же теме еще раз, как нам представляется, свидетельствует о датировке «Осени» не 1830-м, а 1833 г.

5

Вернемся теперь к рассмотрению этого стихотворения.

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой, —

так начинает Пушкин V строфу «Осени» и затем в четырех строфах (V—VIII) развивает тему любви к осени и ее прелести, объясняя, почему он любит ее. Отношение поэта к осенней поре проникнуто тонким и глубоким лиризмом. В ней нет ярких красок, свойственных зиме и лету, нет и вызывающих душевное томление неопределенных впечатлений весны. Осень очеловечивается, одухотворяется в его восприятии; она влечет его, как «нелюбимое дитя в семье родной», и вместе с тем мила ему, как возлюбленная; она вызывает в нем глубокую и грустную симпатию, как «чахоточная дева», и одновременно восхищает присущей ей своеобразной красотой. И поэт обращается к ней со словами восторга и любви (строфа VII):

*Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса*
и т. д.

Здесь ряд внешним образом как будто противоречащих друг другу эпитетов, однако внутренне глубоко связанных и образующих единый образ, живописный и вместе с тем психологический. Это двойственное восприятие напоминает другое, более раннее (конец октября 1828 г.), представляющее собой своего рода набросок к развернутой картине «Осени» («Евгений Онегин», глава VII, строфа XXIX):

*Настала осень золотая,
Природа трепетна, бледна,
Как жертва пышно убрана...*

В «пышном увяданье» природы, в ее осенней красоте, яркой и вместе унылой, поэт находит новые телесные и духовные силы. Об этом возрождении идет речь в VIII строфе — речь эта подчеркнута прозаическая и конкретная, вплоть до «ненужного прозаизма» (или «латинизма») в виде противоречащего канонам высокой лирической поэзии выражения «таков мой организм», подчеркнутого в черновом тексте. Употребив это выражение, поэт

иронически обращается к друзьям («Простите мне, друзья, сей <пропуск> латинизм») и даже, что знаменательно, к далекому ссыльному другу — Кюхельбекеру: «Простишь ли ты Вильгельм сей <пропуск> латинизм», вспомнив давний свой спор с издателем «Мнемозины», в 1824—1825 гг.

Тема жизненного подъема, расцвета, начатая в VIII строфе, продолжается в IX. Ее содержание находит себе предшествующие аналогии в некоторых строфах «Евгения Онегина» (глава IV, строфа XLIII, имеющая, однако, иную тональность, нежели рассматриваемое нами стихотворение), особенно в уже приводившемся наброске 1828 г. («Как быстро в поле, вокруг открытом...»). То же можно сказать о второй половине строфы («Но гаснет краткий день...» и т. д.), напоминающей описание осенних и зимних вечерних бесед у камина между Онегиным и Ленским (глава IV, строфа XLVII) или размышлений Онегина «в молчаливом кабинете» (глава VIII, строфы XXXVI—XXXVIII), но опять-таки в иной тональности и с иным заключением, чем в октавах «Осени», где «думы долгие» перед огнем «в камельке забытом» приводят к кульминации стихотворения — к возникновению и разрешению творческого акта.

«Долгие (вариант: странные) мечты» — так в черновике (л. 81₁); в беловом тексте: «думы долгие (вариант: сладкие)» — выражение более точное.⁴³ «Мечты» или «думы» — вот источник, исходный момент поэтического творчества, которым заканчивается IX строфа стихотворения.⁴⁴

Самоанализ творческого процесса продолжается в следующей, X строфе. Поэт, «забывая мир», т. е. отрешаясь на время от забот и волнений окружающей его действительности, «сладко» усыплен «своим воображеньем», он чувствует в себе «пробуждение поэзии», «лирическое волнение», еще лишённое определенного содержания, но уже «звучащее». Конкретная тема будущего стихотворения еще не найдена, не определена, но уже звучит его ритмический строй. «Лирическое волнение» должно непременно разрешиться, «излиться наконец» (в черновике — «излиться как-нибудь») «свободным проявленьем» (в черновике — «иль песню иль виденьем»). Отсюда следующий момент: уже не бессознательный поиск выхода «лирическому волненью», но активное творчество, осуществляемое с пером в руках (в строфе XI окончательного текста — в XII в беловой рукописи). Но прежде чем совершится этот переход от бессознательного, или, вернее, под-

⁴³ Нужно иметь в виду, что в пушкинскую эпоху и особенно в поэтическом языке понятие «мечты» было равносильно также понятию «размышления» или «думы» и имело двойное значение.

⁴⁴ Насколько точен поэт, воссоздавая в лирических строфах реальные, непосредственные впечатления своей деревенской жизни, показывает прозаическое описание дня, которое он дает в письме к Н. Н. Пушкиной от 30 октября 1833 г. (XV, 89).

сознательного, поиска к сознательному творческому акту, поэт переживает период «сладкого усыпления», когда проходит перед его мысленным взором «незримый рой гостей» — «знакомцы давние», являющиеся «плодами (или «друзьями») мечты», т. е. размышлений, в которые он погружен.

Этим «знакомцам давним», созданным воображением («мечтою») поэта, посвящена первоначальная XI строфа стихотворения. Она тщательно обработана в черновой рукописи (л. 81₂), переписана в беловую и там вновь подвергнута значительной правке, но затем перечеркнута и отброшена.⁴⁵ Почему? Об этом постараемся высказать некоторые соображения.

Перечень «гостей», «знакомцев давних», созданных «мечтою» поэта, дан их обобщенными обозначениями — не личными, но лишь родовыми, занимающими всю октаву. Этот перечень вызывал и вызывает много недоуменных вопросов. Попытки некоторых старых исследователей (Черняева, Морозова) истолковать его исходя из конкретных образов в творчестве Пушкина, не привели к положительному решению. Они исходили из ошибочной датировки «Осени» 1830 г. и подставляли — с большими натяжками — под некоторые названия «гостей» образы, являющиеся в творчестве первой болдинской осени, вплоть до «Домика в Коломне».⁴⁶ Но к творчеству осени 1833 г. эти сопоставления уж никак не относятся. Нужно искать других ответов.

Перечисление образов, являющихся воображению погруженного в «мечты» человека, не впервые дается Пушкиным в «Осени». Можно напомнить мечтания Онегина в XXXVI—XXXVIII строфах VIII главы романа (VI, 183—184), когда Онегин зимними вечерами

... в углу сидел один,
И перед ним пылал камин,

и, забывая о книге, лежащей перед ним,

Он меж печатными строками
Читал духовными глазами
Другие строки. В них-то он
Был совершенно углублен.
То были тайные преданья
Сердечной, темной старины,
Ни с чем не связанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья
Иль длинной сказки вздор живой,
Иль письма девы молодой...

⁴⁵ См. III, 916—917, 930—932, 936—937 (как строфа <XI> или <Ха>).

⁴⁶ См.: Н. И. Черняев. Критические статьи и заметки о Пушкине. Харьков, 1900, стр. 487—496 (глава XVI — «Зачеркнутая строфа „Осени“»); П. О. Морозов. Примечания к стих. «Осень». — В кн.: Пушкин и «Сочинения». Под ред. С. А. Венгерова. Т. V. СПб., 1911, стр. LVII.

Эти мечтания, как подчеркивает сам Пушкин, — «ни с чем не связанные сны» — в них еще нет непосредственной связи ни с чтением Онегина, ни с событиями его жизни, кроме, быть может, слов «писем девы молодой». Но мечтательность его углубляется,

И постепенно в усыпленье
И чувств и дум впадает он,
И перед ним воображенье
Свой пестрый мечет фараон...

Воображение представляет ему иные, конкретные и реальные образы, например убитого Ленского, и такие, которые с одинаковым правом можно считать воспоминаниями и Онегина, и самого поэта:

... врагов забвенных,
Клеветников, и трусов злых,
И рой изменниц молодых,
И круг товарищей презренных,⁴⁷ —

и, наконец, уж вполне конкретно — Татьяну у окна «сельского домика».

Из этого состояния для Онегина могли быть два выхода: он

... чуть с ума не своротил,
Или не сделался поэтом,

едва не постигнув «силой магнетизма», т. е. интуицией, «стихов российских механизма». Этот выход, недостижимый для Онегина, вполне закономерен для поэта, и Пушкин находит и изображает его в «Осени».

Иного рода, но сходное по форме перечисление героев романтической поэзии, в противопоставлении их современному «ничтожному герою» — коллежскому регистратору Езерскому, дается в неоконченной поэме, называемой именем своего героя (строфа XV):

Хоть человек он не военный,
Не второклассный Дон-Жуан,
Не демон — даже не цыган...
(V, 103)

Этот краткий перечень развит гораздо богаче в черновом тексте строфы, где имеем такую его редакцию:

Хоть не похож он на цыгана,
Хоть он совсем не басурман,
Не второклассный Дон-Жуан,
Гонитель дам и кровопийца,

⁴⁷ В этих стихах можно видеть очень личный отзвук тех мыслей, которые выразились в стихотворении «Воспоминание» (1828).

С разочарованной душой,
С полудевической (?) красотой,
Не демон, даже не убийца,
Не чернокожничек молодой...
(V, 411—412)

Как видно, почти все названные здесь «герои» — преимущественно персонажи романтической поэзии, герои «восточных» и других поэм Байрона, «южных» поэм и других произведений самого Пушкина, включая даже «Евгения Онегина», т. е. произведений современных западных и русских поэтов; большая часть из них легко отождествляется.

Не то в перечне «гостей», «знакомцев давних», незримо идущих к поэту, в первоначальной XI строфе «Осени». Напомним эту октаву:

Стальные Рыцари, Угрюмые султаны,
Монахи, карлики, Арапские цари,
Гречанки с четками, корсары, Болдыханы,
Испанцы в епанчах, Жидаы, Богатыри,
Царевны пленные, и злые великаны,⁴⁸
И вы, любимицы золотой моей зари,
Вы, барышни мои с открытыми плечами,
С висками гладкими и томными очами.⁴⁹
(III, 916—917)

Нет сомнений, что некоторые, и даже многие, из перечисленных здесь поэтом «знакомцев давних» могут быть отнесены условно к его творчеству — к «Руслану и Людмиле» («карлики», «богатыри», «царевны пленные и злые великаны»), к «южным» поэмам и стихотворениям начала 1820-х годов («угрюмые» или «татарские султаны», «гречанки с четками», «с медведями цыгань»), к «маленьким трагедиям» («испанцы в епанчах», «монахи, мертвецы, жидаы», «стальные рыцари»), но сводить их, как делал это П. О. Морозов, целиком к произведениям болдинской осени 1830 г., конечно, нельзя. Важнейшее же место в октаве — с подробным, на трех строках, описанием — занимают «любимицы»

⁴⁸ Вариант: «Царевны пленные, Грифоны, великаны» (предлагаем чтение «Грифоны» вместо принятого в академическом издании (III, 936) «графини»; грифон — мифологическое чудовище с львиным туловищем и орлиной головой).

⁴⁹ Написав таким образом октаву в белой рукописи, Пушкин стал перерабатывать вторую ее половину. Зачеркнув стих 5-й, начало 6-го, начало 7-го и часть 8-го, он изменил их так:

И развиваются в уме моем романы,
И мне мечтаются золотой моей зари
с открытыми плечами,
С власами (?) гладкими и томными очами

Переработка осталась неоконченной.

поэта, «барышни», проходящие через жизнь его с ранней юности и через его творчество: в «Евгении Онегине», где муза

... в саду моем
Явилась барышней уездной,
С печальной думою в очах,
С французской книжкой в руках,

т. е., в образе Татьяны (глава VIII, строфа V), в «Романе в письмах», в «Повестях Белкина» и пр.⁵⁰ Эти образы, как говорит и сам Пушкин в незаконченной переработке, ведут уже не к сказочной и романтической поэзии, а к современному повествованию («И развиваются в уме моем романы»), резко контрастируя с первой частью строфы.

Но в общем за исключением трех стихов о «барышнях» Пушкин в этой октаве дает не столько образы своего творчества, сколько широкий и пестрый репертуар традиционных персонажей сказочно-богатырской и романтической поэзии конца XVIII и первой четверти XIX в.

Почему же поэт, переписав набело и еще отделив эту строфу, отказался от нее и вычеркнул? Здесь возможны два объяснения. Одно, предложенное Б. В. Томашевским,⁵¹ имеет в виду формальный момент: переписав следующую, <XII> (ставшую потом <XI>) октаву («И мысли в голове волнуются в отваге...» и т. д.), поэт увидел, что по недосмотру допустил ошибку в строфике, так как вместо чередования женских и мужских окончаний первого и последнего стихов каждой строфы, — чередования, составляющего правильную цепь октав, — он начал (и кончил) женскими стихами две соседние октавы подряд:

<XI>

1 Стальные рыцари, угрюмые султаны...
8 С висками гладкими и томными очами.

⁵⁰ См., например, «Роман в письмах» — VIII, 47, 50, 56; «Метель» и «Барышню-крестьянку» — VIII, 77 и 110; набросок повести — VIII, 402. В ответе «друзьям» на их советы продолжать «Евгения Онегина» (1835) эти дружеские уговоры выражаются словами:

Рисуй и франтов городских
И милых барышень твоих...
(III, 397)

Резко отрицательное суждение о тех же «уездных барышнях» в черновой строфе XVIIa четвертой главы «Евгения Онегина» (VI, 351) представляется единичным и вызвано обстоятельствами, при которых было написано — в конце 1824 г., когда были живы воспоминания поэта об Одессе и тяжело переживалась ссылка в «страну глухую».

⁵¹ См.: Б. В. Томашевский. Строфика Пушкина. — В сб.: Пушкин. Исследования и материалы, т. II. Л., Изд. АН СССР, 1958, стр. 95.

1 И мысли в голове волнуются в отваге...

8 Громада двинулась и рассекает волны.

Такое объяснение вполне вероятно, тем более что подобный же случай мы видим в недавно перед тем напечатанном «Домике в Коломне».⁵²

Но возможно, что, помимо желания устранить формальную ошибку, Пушкиным руководили и другие соображения: стремление изобразить процесс творчества и предшествующее ему состояние в обобщенном виде, вне всякой тематической конкретизации, вызывающей у читателя желание «прикрепить» каждый образ, являющийся в мечтаниях поэту, к определенному произведению. Такое «прикрепление» вызывало бы неправильное представление о пристрастии автора к сказочно-фантастической тематике, да еще к «барышням», т. е. искажало бы творческое лицо Пушкина, сложившееся в 1830-х годах, между тем как поэт желал выразить здесь полную свободу своего творческого воображения, вне всяких стесняющих его рамок.

Тем же основанием — нежеланием вводить в стихотворение какие-либо конкретные образы или отношения — следует, по-видимому, объяснить, почему поэт не довел до конца и бросил начатую им строфу, которую вслед за академическим изданием мы обозначаем цифрой XIa:

И тут беру перо — Друзья мои Поэты,
 (Не вам я говорю — *** и ***)
 И не тебе, ** живая жертва Леты
 И даже не тебе — — —⁵³
 И тут беру перо — и предметы

Эта строфа должна была следовать за строфой «XI», перечисляющей «незримых гостей» поэта — от «стальных рыцарей» до уездных «барышень», и выразить переход к воплощению — с пером в руке, на бумаге — творческого порыва. Но, не закончив октавы (из нее написано пять стихов), поэт отказался от нее и, не

⁵² Повесть опубликована в альманахе «Новоселье», вышедшем 19 февраля 1833 г. В печатном (а также беловом) тексте XXXVI октавы вместо восьми стихов всего семь: отсутствует 6-й стих, с третьей мужской рифмой (вдовой — щекой?). Отсюда последнее двустигийе с мужской (а не женской, как полагалось бы) рифмовкой (крыльцо — лицо), и следующая, XXXVII октава начинается не с мужской (как полагалось бы) рифмы, а с женской («Обедня кончилась; пришла Параша»), и это ошибочное чередование продолжается до конца повести, имеющей, таким образом, в 40 октавах 319 стихов вместо 320 (см.: Б. В. Томашевский. Строфика Пушкина, стр. 96). Происхождение этой ошибки, в связи с тем что черновая рукопись до нас не дошла, установить невозможно — быть может, здесь и намеренное сокращение строфы, для выражения быстрого хода содержащихся в ней событий.

⁵³ *Вариант:* И не тебе певец — — —

зачеркивая, а лишь отделив чертой и завершительным росчерком, стал писать новый текст, начав его стихом:

И пальцы просятся к перу — перо к бумаге.

Чем вызваны отказ от начатой строфы и замена ее новой редакцией? Каков ее смысл? Какие имена скрываются под звездочками?

Ответ на эти вопросы предложил в свое время В. В. Гиппиус.⁵⁴ Он попробовал подставить под звездочки возможные имена из числа подлинных «друзей» поэта, и прежде всего имя того из них, кого Пушкин назвал «живой жертвой Леты». Таким поэтом, по мнению исследователя, мог быть лишь В. К. Кюхельбекер, насильственно принужденный к молчанию долголетним заключением и ссылкой. В таком случае, по мысли В. В. Гиппиуса, октава могла бы принять такой вид:

И тут беру перо — Друзья мои Поэты
(Не вам я говорю — <Языков> и <Плетнев>)
И не тебе <Вильгельм> живая жертва Леты,
И даже не тебе <певец младых пиров>
(т. е. Баратынский, — Н. И.).

Все это построение очень остроумно и на первый взгляд убедительно, однако же вызывает некоторые серьезные сомнения. Во-первых, обращение к Кюхельбекеру «Вильгельм» уже было, как это отметил Б. С. Мейлах,⁵⁵ введено в черновик VIII строфы: «Прости <шь> ли ты, Виль <гельм>, сей <пропуск> латинизм» (III, 928), и хотя эта редакция стиха зачеркнута и в беловом тексте заменена нейтральной «Извольте мне простить ненужный прозаизм», вторичное обращение в черновике к «Вильгельму», зашифрованное звездочками, представляется сомнительным.

Далее, расшифровка, предложенная В. В. Гиппиусом, вызывает неизбежные затруднения: если поэт, обращаясь к своим «друзьям-поэтам», исключает из их числа Языкова и Плетнева, Кюхельбекера и Баратынского, то кто же остается в числе этих «друзей»? В чем отличие их от перечисленных поэтов или им подобных (например, во 2-й строке октавы могут подразумеваться не «Языков и Плетнев», но «Жуковский и Козлов», «Катенин и Шишков» и т. п.)? Самое же существенное заключается в том, что текст черновика не дает возможности определить характер обращения Пушкина к «друзьям-поэтам» и к тем, от обращения к которым он отказывается («Не вам я говорю...»): в этой форме

⁵⁴ Неоконченная строфа чернового текста «Осени». Публикация и комментарий В. Гиппиуса. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 3. М.—Л., Изд. АН СССР, 1937, стр. 19—20.

⁵⁵ Б. Мейлах. Художественное мышление Пушкина как творческий процесс, стр. 226.

обращения можно предполагать и иронию, а в таком случае зашифрованные имена должны быть совершенно иные. Не подразумевается ли под «живой жертвой Леты» другой стихотворец, к которому это определение гораздо более подходит, чем к Кюхельбекеру, — мы говорим о Д. И. Хвостове, стихи которого действительно при самом их появлении оказывались «забытыми» его современниками, канувшими в Лету, или становились предметом насмешек. Если так, то и под другими звездочками скрываются поэты, к которым Пушкин относился проницательно-отрицательно, а таких поэтов было немало.

Подставить те или иные имена нелегко и всегда спорно, как спорной является до сих пор подстановка некоторых имен под звездочки в стихотворении 1829 г. «Собрание насекомых». Возможно, что в строфе «Осени», так же как и, по предположению Б. В. Томашевского, в «Собрании насекомых», «Пушкин и рассчитывал на то, что можно подставить много имен под каждое имя, означенное звездочками. Во всяком случае, загадочность стихотворения входила в намерения Пушкина».⁵⁶

Как бы то ни было, Пушкин, не закончив этой строфы, отказался от нее. Вероятно, он не хотел вносить в стихотворение, посвященное переживаемому им самим процессу лирического творчества, элементы литературной полемики с эпиграмматической солью. Вместо незаконченной строфы он начал новую (в окончательном тексте — XI):

И мысли в голове стесняются в отваге,
И рифмы [звучные] навстречу им бегут —
И пальцы просятся к перу — перо к бумаге,
Минута — и стихи струею потекут...⁵⁷

⁵⁶ Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах, т. III. Л., Изд. АН СССР, 1949, стр. 500. В строфе «Осени» можно, например, для 4-го стиха предложить чтение: «И даже не тебе <сатирик игроков>», т. е. И. Е. Великопольский, которому Пушкин в 1828 г. написал «Послание к Великопольскому, сочинителю „Сатиры на игроков“» (III, 94), имея в виду сатиру Великопольского «К Эрсту». Это «Послание» привело к размолвке поэта с «сатириком».

⁵⁷ Почти в тех же выражениях Пушкин изображает момент творческого подъема в повести «Египетские ночи», герой которой Чарский именно как поэт имеет автобиографические черты: «Однажды утром Чарский чувствовал то благодатное расположение духа, когда мечтания явственно рисуются перед вами и вы обретаєте живые, неожиданные слова для воплощения видений ваших, когда стихи легко ложатся под перо ваше и звучные рифмы бегут навстречу стройной мысли. Чарский погружен был душою в сладостное забвение <...> Он писал стихи» (VIII, 264). Свободное поэтическое творчество, вдохновение и является главной темой повести. Но Пушкин знал и изображал — с предельной ясностью самонаблюдения — бывавшее у него иное, противоположное состояние: момент падения творческих сил. Такой момент изображен им в стихотворении 1829 г. «(2 ноября)»:

...Я книгу закрываю;
Беру перо, сажу; насильно вырываю

Удивительна та необыкновенная точность, с которой изображен поэтом процесс творчества — от неопределенных мечтаний, образов и звуков, рождающихся в душе (октава X), до реализации замысла — в волнении вытесняющих одна другую мыслей, облеченных опорными рифмами и уже определившимся размером и требующих немедленного закрепления с пером в руке, на бумаге. Именно в таких формах творческий процесс у Пушкина известен пушкинистам-текстологам; «стенограммой творческого процесса» названы его черновые рукописи.⁵⁸ В них — и то далеко не всегда — только первый стих или первые два-три стиха произведения записаны уверенно и твердо, уже до этого оформившись в сознании поэта; а далее следует ряд отрывочно записанных образов, мыслей, рифмующихся слов, сменяющих друг друга. Размер, найденный еще до начала записи, чаще всего уже не меняется. Но бывают случаи — и это мы видели в черновой рукописи «Осени», — когда размер и строфика меняются, и даже не раз, в начале работы, с тем чтобы потом, окончательно установившись, уже твердо руководить мыслью автора. Далее возникают стихи, «текущие» «струею», или «рекою», или «свободно» — это самая точная характеристика основной стадии творческого процесса. Но это не значит, чтобы они ложились на бумагу совершенно готовыми, — напротив, обилие мыслей, «волнующихся в отваге», вызывает ту сложность, якобы «запутанность» пушкинских чернови-ков, которая так долго не давалась текстологам и вызывала представление о невозможности расшифровки рукописи иначе, как механической транскрипцией.⁵⁹ Положенный «стенографически» на бумагу творческий процесс мы видим в подавляющем большинстве черновых рукописей Пушкина: и в раздаваемом нами автографе «Осени», и — еще более ярко — в писавшемся одновременно с ней, в том же «болдинском» октябре 1833 г., «Медном всаднике».

Стихотворение, начатое простой и краткой, но веской фразой — «Октябрь уж наступил», после ряда картин времен года, по-разному воспринимаемых поэтом, возвращается к «милой» для него поздней осени и к вызванному ею лирическому подъему,

У музы дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдет... Теряю все права
Над рифмой, над моей прислужницею странной:
Стих вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, с лирою я прекращаю спор...

(III, 181)

О таком же состоянии неожиданного и беспричинного упадка творческих сил говорит и неотделанный черновик стихотворения «Рифма, звучная подруга...» (1828; III, 120).

⁵⁸ См.: Б. В. Томашевский. Пушкин. Современные проблемы... стр. 41.

⁵⁹ См.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения. Л., «Наука», 1966, стр. 566—576.

к творческому выражению его души, и завершается великолепным, необычайно выразительным сравнением творческого акта с кораблем, который «дремлет недвижим в недвижной влаге», но вдруг, оснащенный парусами, начинает двигаться «и рассекает волны».⁶⁰

Плывет. Куда ж нам плыть?...

Этот вопрос был сперва, в черновой рукописи, продолжен рядом других вопросов, подобных — по смыслу и построению — перечислению «незримого роя гостей» в X октаве:

Ура! — — — куда же плыть — — — какие берега
Теперь мы посетим —

За этими вопросами следует ряд предположений о более или менее далеких и экзотических берегах: «Египет колоссальный», «Иль скалы дикие Шотландии», «Или Нормандии блестящие снега»,⁶¹ Швейцария, снова Египет, «где дремлют вечности символы, пирамиды», и даже «девственные леса младой Америки...».

«Египет колоссальный» с его пирамидами особенно привлекает поэта, и он рисует на правой половине той же страницы, до ее заполнения текстом, сначала (привычными ему росчерками) летящих птиц, потом фигуру колоссальной статуи — по-видимому, сидящего на ступенчатом пьедестале египетского фараона Аменхотепа III, известного под именем Мемнона в греческих мифах, связанных с Троянской войной.⁶²

Все эти разнообразные и выразительные определения мест, характерных для разных стран мира, куда бы мог направиться «корабль» воображения поэта, были отброшены при окончательной отделке стихотворения и отсутствуют в белой рукописи, — вероятно, по тем же соображениям, по которым (помимо ошибки в строфике) была вычеркнута вся XI октава: конкретизацией, «овеществлением» творческих мечтаний поэта нарушался обоб-

⁶⁰ При сравнении с кораблем, выходящим в плаванье, особенно подчеркивается упорный труд, вложенный пловцами, которые при первом порыве ветра (т. е. поэтического вдохновения) «бросаются», «на вервях висят, ползут в отваге» и заставляют двинуться корабль — картина, которую не раз, очевидно, наблюдал сам поэт.

⁶¹ Д. Д. Благой (Творческий путь Пушкина (1826—1830), стр. 693, примечание к стр. 457) предлагает заменить чтение «Нормандии» на «Норландии», так как в Нормандии — одной из областей Франции «снега вообще не бывает», тогда как «Норландия — северная часть Швеции, отличающаяся особенно суровым климатом». Но в представлении Пушкина слово «Нормандия» связывалось не с Францией, а с норманнами, варягами, т. е. со Скандинавией; слово же «Норландия», как специальный географический термин, едва ли было ему знакомо.

⁶² О Мемноне упоминается в статье Пушкина «Вольтер» (1836; XII, 77). Описание рисунков на этой странице рукописи «Осени» см. в книге: Абрам Эфрос. Рисунки поэта, стр. 432—433; репродукция — стр. 313.

ценный смысл стихотворения. Недосказанность, оставлявшая широкий простор впечатлениям и выводам читателя, расширяла и углубляла содержание изображенного в стихотворении творческого процесса и оправдывала поставленный перед ним подзаголовок «Отрывок». Все стихотворение представляется «отрывком» из размышлений, мечтаний поэта, медитацией, не принимающей никаких законченных форм. Последняя строфа (XIII) заменена в белой рукописи одним полустушием с многоточием, оставляющим впечатление отрывочности, отсутствия конца:

Плывет. Куда ж нам плыть? . . .
: . . . : . . . : . . . : . . . : . . . : . . . : . . . : . . . : . . . : . . . : . . .

Форма отрывка, извлеченного из цепи размышлений поэта, по справедливому наблюдению Б. П. Городецкого,⁶³ характерна для медитативной лирики Пушкина 1830-х годов, но применялась им иногда уже и раньше, например в стихотворениях «Ненастный день потух. . .» (1824) и «Герой» (1830). Так написаны — после «Осени» — такие значительные стихотворения, как посвященное Мицкевичу «Он между нами жил» (1834), «Вновь я посетил» (1835), «Из Пиндемонти» («Недорого ценю я громкие права») и «Когда за городом, задумчив, я брожу» (1836), в известной мере — «Полководец» (1835), возможно — лицейская «годовщина» 1836 г. («Была пора: наш праздник молодой»).

Переписывая «Осень» набело, Пушкин снабдил ее эпиграфом — стихом из «Жизни Званской» Державина: «Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?». «Мимолетящи мечтаны» Державина, «умильные мечты», в которых он носится «при гусях под вечер, челом моих седин склонясь», не подходят, однако, на те «думы долгие», которые в душе своей питает Пушкин: Державин вспоминает о прошлом, о «лучах Екатерины», о современных военных событиях и о будущем, несущем смерть, разрушение и забвение всему окружающему, — забвение, преодолеть которое может лишь своим пером его друг, историк Евгений, напомнив потомкам о том, что «здесь бога жил певец — Фелицы». Но вся обстановка усадебной жизни, располагающая к спокойствию, к отрешению от сует, к полной внутренней свободе, — обстановка, изображенная в стихотворении Державина, близка и мила автору «Осени», вплоть до таких характерных черт, как державинский «усатый староста», дающий отчет «с улыбкой часто плутоватой» (вспомним черновые варианты I октавы стихотворения Пушкина).

Каков же общий характер пушкинской «Осени» и каково ее место в творчестве поэта последнего периода?

⁶³ Б. П. Городецкий. Лирика Пушкина. М.—Л., Изд. АН СССР, 1962, стр. 407.

Болдинская осень 1833 г. может по справедливости считаться кульминационным моментом в творческой жизни Пушкина 1830-х годов. По интенсивности, высоте и разнообразию творчества она равноценна первой болдинской осени, 1830 г.; но по настроению, по самосознанию поэта эти два периода далеко не сходны. О тревожном и мрачном состоянии поэта в осень 1830 г. мы уже говорили в другой связи (см. стр. 237).

Иное мы видим во второй болдинской осени, 1833 г. К этому времени семейная жизнь, казавшаяся такой тревожной перед женитьбой, стала представляться ему, несмотря на опасения, вызываемые молодостью и красотой Натальи Николаевны, устойчивой и ясной; отношения с Николаем I, с Бенкендорфом, с цензурой как-то в общем нормализовались и, казалось, не должны были очень мешать жизни и творческой работе (последнее крупное столкновение было из-за публикации «Анчара» в начале 1832 г.). Весь 1833 год прошел в усиленных, увлекательных и успешных трудах; в начале его, отказавшись от завершения романа о дворянине-разбойнике (Дубровском), Пушкин обратился к новой большой теме — к роману о дворянине — участнике Пугачевского движения; он погрузился в работу по двум параллельным линиям: над романом — будущей «Капитанской дочкой», и над исследованием — «Историей Пугачева». Оба замысла осуществлялись с необыкновенным увлечением и быстротой: начав писать «Историю» 25 марта 1833 г., он уже 22 мая закончил ее вчерне; роман, самый ранний из датированных планов которого помечен «31 января 1833 г.», был, по-видимому, уже в июле написан вчерне (в первой, не дошедшей до нас редакции); «5 августа 1833. Черная речка» помечено «Введение» к нему (VIII, 927). Остановившись на этом, Пушкин отправился 17 августа в путешествие по Волге, в Оренбург и Уральск и, очень довольный быстрой и насыщенной поездкой, приехал 1 октября в Болдино для завершения своего исторического труда. Неполные шесть недель, проведенные им в деревне, стали временем огромного творческого подъема: 4 октября он приступил к обработке черновой «Истории Пугачева» вместе с новыми материалами, собранными во время путешествия, и за один месяц закончил этот труд; вторая редакция «Предисловия» и его печатный текст помечены «2 ноября 1833. Село Болдино». Свой роман — будущую «Капитанскую дочку» он, по-видимому, не продолжал, зато поэтическое творчество развивалось мощным потоком. 6 октября начата черновая рукопись «Медного всадника», а в ночь с 31 октября на 1 ноября закончена его перебелка; 14 октября закончена «Сказка о рыбаке и рыбке»; 19 октября помечена в черновом автографе V строфа «Осени»; 27 октября закончена перебелкой поэма «Анджело», 28 октября — переводы из Мицкевича — «Будрыс и его сыновья» и «Воевода»; 4 ноября датирована перебеленная рукопись «Сказки о мертвой царевне». В том же «болдинском» октябре, по-види-

тому, набросано вчерне стихотворение, посвященное Мицкевичу, — «Он между нами жил...»,⁶⁴ а также, возможно, незаконченная литературная сатира «Французских рифмачей суровый судья...» и несколько других стихотворений.⁶⁵ Можно предполагать, что в Болдине написана и «Пиковая дама», хронология которой неясна.

Таков этот краткий период творческого подъема, пережитый поэтом в далекой «степной» деревне, в полном одиночестве и в совершенной отрешенности от докучных городских забот, — период, так точно и ярко описанный им в спокойном и светлом стихотворении «Осень», полном чувства жизненной силы и сознания своего творческого могущества.

Интересно при этом отметить, с какой осторожностью писал Пушкин жене и петербургским друзьям о своей творческой работе в Болдине, словно боясь обнаружить и тем испортить свое настроение. Вот выдержки из его писем к жене: «Теперь надеюсь многое привести в порядок, многое написать и п<отом>?> к тебе с добычею» (2 октября); «Вот уже неделю как я в Болдине, привожу в порядок мои записки о Пугачеве, а стихи пока еще спят» (8 октября); «Я пишу, я в хлопотах, никого не вижу — и привезу тебе пропасть всякой всячины. Надеюсь, что Смирдин окуратен. На днях пришлю ему стихов» (11 октября);⁶⁶ «<...> я работаю лениво, через пень колоду валю <...> Начал многое, но ни к чему нет охоты; бог знает, что со мною делается» (21 октября). Лишь в конце пребывания в Болдине он становится откровеннее: «Недавно расписался и уже написал пропасть» (30 октября) — и на-

⁶⁴ Беловой автограф, по которому печатается стихотворение, помечен «10 августа 1834». Но черновой, вопреки мнению М. А. Цявловского (Рукописи А. С. Пушкина. Фототипическое издание. М., Гослитиздат, 1939, Комментарий, стр. 33), относится, нужно думать, к началу октября 1833 г. — по положению в рукописи (ПД, № 845, лл. 71—62; на л. 72 начинается черновая «Медного всадника» с пометой «6 октября»), но еще более по связи с рядом обстоятельств, направивших в эти дни мысль Пушкина к польскому поэту и вызвавших своеобразную полемику с ним во «Вступлении» к «Медному всаднику», временно отодвинувшую непосредственный ответ ему, начатый перед этим. Почему в августе 1834 г. Пушкин вернулся к стихотворению, посвященному Мицкевичу, и хотел закончить его, трудно сказать.

⁶⁵ Стихотворение «Французских рифмачей суровый судья...» писалось, скорее всего, в первой половине 1833 г., до выезда из Петербурга в Заволжье (ср. соображения С. М. Бонди: Рукописи А. С. Пушкина. Фототипическое издание. Комментарий, стр. 18—20). Другие стихотворения, предположительно относящиеся к октябрю—началу ноября 1833 г.: «Когда б не смутное влеченье...», «Сват Иван, как пить мы станем...», «В поле чистом серебрится...», «Чу, пушки грянули!..», «Плетеву» («Ты хочешь, мой наперсник строгой...»). Датировка тем же временем стихотворения «Не дай мне бог сойти с ума...» не имеет твердых оснований, кроме темы сумасшествия, якобы сближающей его с «Медным всадником» и даже с «Пиковой дамой».

⁶⁶ Очевидно, для нового журнала Смирдина «Библиотека для чтения», какие стихи имел в виду Пушкин, не ясно.

конец: «Я привезу тебе стихов много, но не разглашай этого: а то альманашники заедят меня» (6 ноября; см. XV, 83, 85, 87—89, 93—94). Особенно тщательно скрывал он свои творческие труды от литературных друзей, пытавшихся втянуть его в свои издательские предприятия. Так, в наружно шутливом, а по существу резком письме (от 30 октября) к В. Ф. Одоевскому в ответ на его предложение издать альманах вместе с ним и с Гоголем поэт заявлял: «Виноват, Ваше сиятельство! кругом виноват. Приехал в деревню, думал распишусь. Не тут-то было. Головная боль, хозяйственные хлопоты, лень — барская, помещичья лень — так одолели меня, что не приведи боже...» (XV, 90).

В Петербург Пушкин привез, как раньше писал жене, «пропасть всякой всячины», и среди этой «всячины» — «Историю Пугачева» и «Медного всадника». То и другое внушало ему большие надежды на будущее: «Пугачев» должен был, по его расчетам, поправить его материальное положение; «Медный всадник» давал ему уже обусловленный со Смирдиным значительный гонорар, а главное — должен был показать обществу и враждебным журналистам всю лживость молвы о падении его дарования, о том, что он перестал быть поэтом. Улучшение материальных обстоятельств и вновь завоеванное положение в литературном мире обеспечили бы ему — в этом он был уверен — и ту независимость, которая более всего была ему необходима...

Действительность быстро и жестоко рассеяла эти ожидания. В середине декабря «Медный всадник» был запрещен «высочайшей» цензурой. Не было уверенности и в том, что та же цензура не запретит и «Историю Пугачева». А 31 декабря 1833 г. Пушкин неожиданно для себя был пожалован в камер-юнкеры — «милость», жестоко его оскорбившая и значение которой он тотчас оценил, записав в дневнике 1 января 1834 г.: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам). Но двору (т. е. Николаю I, — Н. И.) хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове» (XII, 318).

Придворное звание губительным образом повлияло на положение Пушкина: оно закабалило его, связав новыми узами с царем и его окружением, резко изменило к худшему отношение к нему в широких общественных кругах, а его поставило в фальшивое и двусмысленное положение, лишив его возможности добиться той независимости, которой он всегда страстно хотел. Наступил последний период в жизни поэта, приведший его через три года к роковой дуэли.

Это состояние глубоко отразилось на характере его творчества последних лет, наложив мрачный отпечаток на ряд важнейших стихотворений 1834—1836 гг.⁶⁷ Светлые, жизнерадостные тона,

⁶⁷ Назовем: «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» (1834?), «Полководец», «Странник», «Вновь я посетил...» (особенно в исключен-

какими окрашена «Осень», никогда и нигде больше не повторяются: «Осень» отметила собой момент высшего расцвета жизненных и творческих сил Пушкина в 1830-х годах и вместе с тем переломный момент в его личной, общественной и литературной жизни; в этом — существенное значение стихотворения на творческом пути поэта.

Остается рассмотреть последний вопрос: думал ли Пушкин публиковать это чрезвычайно значительное и вовсе лишенное «интимности» стихотворение?

Часть привезенных из Болдина или написанных ранее произведений была напечатана в новом журнале Смирдина «Библиотека для чтения» в 1834—1835 гг. Но среди них не было ни одного в собственном смысле лирического, в том числе и «Осени», которая осталась ненапечатанной до конца жизни поэта. Несомненно, что в 1834—1835 гг. Пушкин не хотел его публиковать, не имея собственного печатного органа, принужденный печататься в чуждых ему по духу изданиях — «Библиотеке для чтения» и «Московском наблюдателе». В 1836 г. «Современник» дал ему такую возможность, и поэт в известной мере ею воспользовался. Рассчитывая продолжать издание этого журнала в 1837 г., он в августе (?) 1836 г. составил список стихотворений, очевидно предназначенных для «Современника» будущего года. В этом списке значится и стихотворение, озаглавленное «Осень в деревне». Что это за стихотворение? По мнению М. А. Цявловского, это — «Осень» 1833 г. («Октябрь уж наступил...»),⁶⁸ и с его мнением необходимо согласиться, несмотря на то что в списке стихотворений, упоминавшемся выше, назови́ем «Осень в деревне» обозначено другое стихотворение — «Румяный критик мой» (см. выше, стр. 225). Включение «Осени» в список 1836 г. вполне естественно; отсутствие же в нем такого важного, крупного и вполне законченного стихотворения представляется необъяснимым.

Важным аргументом, подтверждающим точку зрения М. А. Цявловского, является также то, что, как установил Б. С. Мейлах, стихотворение 1830 г. «Румяный критик мой...» адресовано Булгарину, и это обращение непосредственно вызвано нападками Булгарина в «Северной пчеле» на VII главу «Евгения Онегина». В 1832 г. — если бы это стихотворение вошло в III часть «Стихотворений Александра Пушкина» — адресат мог быть узнан и читателями, и самим «румяным критиком» — Булгариным; но в 1837 г. он уже едва ли был бы разгадан, что должно было затруднить напечатание стихотворения — по крайней мере в известной нам редакции — в «Современнике». При публикации

ных из окончательного текста отрывках) (1835), «Мирская власть», «Из Пиндемонти», «Когда за городом, задумчив, я брожу...», «Я памятник себе воздвиг...», «Была пора: наш праздник молодой...» (1836) и др.

⁶⁸ Рукою Пушкина, стр. 286.

в 1841 г. оно получило произвольно введенное Жуковским и, очевидно, «защитное» название «Каприз», что само по себе свидетельствовало о неясности его начала. Обращение к «насмешнику толстоузому» стало непонятным, и оставалось непонятным почти 120 лет, до разысканий советского пушкиниста.

Всего вероятнее, таким образом, что Пушкин предполагал напечатать в «Современнике» 1837 г. не это полемическое стихотворение, но «Осень» 1833 г., внесенную им в список предполагаемых публикаций под названием «Осень в деревне».

Смерть помешала ему исполнить это намерение.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

**СТИХОТВОРЕНИЯ
ПУШКИНА
1820-1830-х
ГОДОВ**

**ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ
И ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ПРОБЛЕМАТИКА**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД**

1974